

На следующий день ко мне пришёл Хинохара. Он несколько раз позвонил в дверь с перерывами в десять секунд, и я, вслушиваясь в этот звук, никак не мог понять, что это дверной звонок, поэтому не сразу заметил, что ко мне гости. Я медленно поднялся с постели, вышел из своей комнаты с зашторенными окнами и спустился по лестнице, ослеплённый светом. Я по его звонкам определил, что это Хинохара. Его приходы без предупреждения были мне не в новинку. Скорее всего, он быстро просёк, что что-то случилось с Хаджикано или с Чигусой, или с обеими сразу. Я открыл дверь, и он предстал передо мной. Его лицо было необычно беспокойным и переполошённым. «Сколько ты знаешь?» – спросил он меня. «Будет быстрее, если начнёшь ты, – я обошёл его и сел на ступеньки порога. – Сколько знаешь ты?» Хинохара взгляделся в меня так, словно хотел что-то сказать, но в конце концов его плечи сникли, и он присел рядом со мной. «Мне вчера в полдень позвонила Чигуса, – он достал из кармана сигарету и нервно поджёг её. – Мы давно обменялись номерами, но позвонила она мне впервые. Я удивился и спросил, что случилось. Тогда она сказала: "Ты слушаешь, Хинохара? Прислушайся к тому, что я сейчас скажу". Я не знал, о чём она, но согласился». Это, скорее всего, произошло до того, как я пришёл к Чигусе домой. Так она не только мне дала письмо, но и оставила сообщение Хинохаре с помощью телефонного звонка. Он продолжил: «Она была кратка, но это до сих пор не поддаётся моему пониманию. "Чуть позже может произойти несколько странных событий, но, пожалуйста, не вини в этом никого", – сказала она. "И всё?" – спросил я. "И всё", – ответила она. И сразу же сбросила. Мне было любопытно, но погода подходила для наблюдения за звёздами, поэтому я решил, что смогу спросить у неё лично». «Странных событий, – повторил я. – Огиэ так и сказала?» «Ага, именно так, слово в слово. И прошлой ночью в гостиницу я пришёл один. Это и есть то "странное событие", о котором говорила Чигуса? – подумал я. Но не поверил в это. Мне показалось, что она не описала бы подобное событие как "странное". Поэтому я заключил, что, может, остальные трое не показываются из-за влияния этих самых "странных событий", которые уже произошли». «И поэтому ты ей позвонил».

«Да, я позвонил ей домой сегодня ровно в полдень, но никто не ответил. У меня возникло плохое предчувствие, поэтому я продолжил названивать с перерывами. Ближе к вечеру кто-то наконец взял трубку. Кажется, её мама. Я спросил, дома ли Чигуса, и получил бессвязный ответ. Словно её сбили с толку. Я тут же ощутил, что случилось что-то по-настоящему плохое. Я сказал ей, что я близкий друг Чигусы, и в следующее мгновение она просто взорвалась рыданиями. Она сказала мне, что Чигуса утонула этим утром». «Утонула? – инстинктивно повторил я. Чигуса определённо обратилась в морскую пену и исчезла прямо передо мной. Но чтобы узнать причину смерти, им нужно было найти тело. – Откуда они...?» «Её прибило к берегу в соседнем городе. Ей тут же вызвали скорую, но было уже слишком поздно. Маме Чигусы пришлось пройти через некоторые формальности, раз её дочь погибла в результате несчастного случая, и, похоже, когда я позвонил, она получала необходимые для этого материалы. Я был ошарашен настолько, что не смог даже передать ей свои соболезнования. Чигуса умерла? В это было достаточно трудно поверить. Но в то же время где-то в глубине души я знал... что это и есть то самое "странное" событие». Как только Хинохара докурил первую сигарету, он сразу же зажёг другую. Словно пытаясь скрыть свои эмоции в облаке дыма. «Я обязан был подумать, что Чигуса знала о приближающейся смерти. Что означает вероятность того, что это был не несчастный случай, а самоубийство. Но я не мог придумать причину, которая побудила бы Чигусу умереть. Конечно, её любовь была безнадежно безответной, но она не из тех, кто убил бы себя из-за этого. Внезапно мне пришло в голову, что ты можешь что-то знать, но тебя не было дома. Поэтому я позвонил домой к Хаджикано».

Как только он произнёс её фамилию, его голос дрогнул. Казалось, что он сильнее, чем расстроен, был невероятно раздосадован чем-то. «На звонок ответила её мать. Я спросил, там ли Хаджикано, и снова получил расплывчатый, невнятный ответ. Как и с Чигусой, я сказал ей, что я её близкий друг, но она была крайне осторожна. После длинной череды вопросов, телефон внезапно перешёл другой женщине. Думаю, это была старшая сестра Хаджикано. Она

задала мне несколько вопросов, чтобы удостовериться, что я действительно друг её сестры. Поняв, что я не лгу, она извинилась за то, что подвергла мои слова сомнению, а затем рассказала, что произошло с Хаджикано». На этом Хинохара остановился, казалось, наблюдая за моей реакцией. «В другое время и в другом месте с Хаджикано произошёл похожий случай утопления, что и с Чигусой, – сказал я вместо него, – правильно?» «Что за херня происходит? – Хинохара бросил сигарету себе под ноги и втоптал в землю. – Ты же что-то знаешь!» «Нет, у меня нет никакой другой информации». «Но хоть догадки есть?»

«Не знаю, – я покачал головой. – Слушай, Хинохара. Прости, но дай мне время побыть одному. Я всё ещё не смирился с этим, и мне нужно разобраться. Если я о чём-нибудь догадаюсь, то свяжусь с тобой. Поэтому можешь сейчас оставить меня?» Хинохара настороженно наблюдал за переменами в моём лице, стараясь ощупать всего меня. И, возможно, увидев нечто похожее на настоящую печаль, он смиренно вздохнул. «Я сделаю всё, что смогу, чтобы узнать причину этих двух происшествий. Продолжу копать, пока не найду ответ, который меня удовлетворит. И если окажется, что смерть Чигусы не была несчастным случаем, а чьей-то проделкой, я найду виновных и в порошок их сотру. Я заставлю их испытать то же, что и Чигуса». Хинохара встал и кинул окурки в водосток. «Позвони, если изменишь своё мнение. Увидимся». «Ладно, понял». Когда он ушёл, я вернулся в свою комнату и лёг на футон. Услышав официальное заключение о смерти Чигусы, я ощутил какое-то чувство неполноценности, будто кто-то тайком оторвал от моего тела кусочек. Я сказал Хинохаре, что у меня нет никакой другой информации. Конечно же, это была ложь. Как минимум я знал детали её смерти. Более того, если так посмотреть, именно я её и убил. А в письме, которое оставила мне Чигуса, была информация о "грехе", который Хаджикано пыталась искупить. О том, что случилось в эти непонятные четыре дня. Чигуса разузнала об этом ради меня и поведала о том, что, по её мнению, было правдиво. «Полагаю, я должна была рассказать тебе обо всём этом раньше, Фукамачи, – писала она. – Но я боялась показаться раздражительной девушкой, пытающейся устранить свою соперницу, поэтому молчала. Прости меня». Когда я прочёл её письмо, то почувствовал, что понял, почему Хаджикано хотела убить себя тогда. Возможно, Хаджикано радовалась этим ночам любования звёздами сильнее кого-либо. Вот почему она почувствовала, что не может быть единственной, кто остался в живых.

□

Я встал у зеркала в ванной, открыл фломастер и чиркнул у себя под глазом. Даже если взглянуть в отражение, чёрная точка смотрелась на моей коже естественно. Незнакомец определённо подумал бы, что это настоящая плачущая родинка. С тех пор, как Хинохара пришёл ко мне домой, прошло два дня. Я оставался в своей комнате с зашторенными окнами, спрашивая себя о том и о сём. Правильно ли я сделал, что вытащил Хаджикано из её комнаты? Не моё ли вмешательство вновь подвигло её на попытку самоубийства? Действительно ли не было никакой возможности спасти Чигусу? Если бы я раньше сдался насчёт Хаджикано, смог бы спасти жизнь хотя бы Чигусе? Это же я, и никто иной, привёл всё к худшему концу?.. Задумавшись над этим, я не мог остановиться. Мне казалось, что я только и занимался тем, что упускал все возможности. Весь день лёжа на футоне и пялясь в потолок, я пришёл к пониманию того, почему Хаджикано сидела в своей тёмной комнатке. Как только вас поглощает водоворот сожалений, ваш разум подавляется и истощается осознанием того, что вы только всё испортили, и даже выход из комнаты становится испытанием. И тогда временами вас охватывает непонятное вожеление смерти. Словно на вас наложили проклятие.

Цикады за окном всё так же заполняли всё вокруг своим стрёкотом, но меньше, чем неделю назад. Солнце, казалось, тоже стало закатываться как-то рано. Жаркие дни оставались жаркими, но я уже не испытывал той же нестерпимой жары, как в последние дней десять или вроде того. Что закончится раньше: лето или моя жизнь? Мне бы хотелось, если это

возможно, покинуть этот мир до начала осени. Прежде, чем исчезнут кучевые облака, прежде, чем отойдут цикады, прежде, чем увянут подсолнухи. Никогда не чувствуешь себя более одиноко, чем когда остаёшься последним. Утром 20-го числа мне позвонили. Мне даже есть становилось мучительно, но, когда я слышал перезвон телефона, мое тело стало двигаться само. Полагаю, оно до сих пор не забыло того радостного чувства, когда я был на линии с Хаджикано. Звонил Хинохара. «Я за четыре дня оббегал всё, – сказал он, – и, благодаря этому, теперь у меня появилась внятная догадка». «Внятная?» – переспросил я с мыслью, то он никак не мог догадаться до всего, включая сделки с женщиной из телефона, всего за четыре дня. «Ага. Я по большей части понял, почему они обе скинулись в море. Я выловил кое-что в истории Чигусы и Хаджикано». «Что? Как?» «Сперва Чигуса, – продолжил он, проигнорировав мой вопрос. – В её истории не было ничего особо выдающегося. Она никогда ни с кем не спорила и жила себе спокойно. За исключение лишь можно принять, что с младшей школы до недавнего времени она была прикована к инвалидному креслу. Она повредила позвоночник в аварии и долго не могла стоять, но недавно снова смогла ходить».

«Ладно, – стал я его подгонять, – что насчёт Хаджикано?» «С точностью до наоборот, – произнёс он, словно зачитывая плохие новости. – Я опросил бывших одноклассниц Хаджикано, и они сказали мне то же самое: "Она не всегда была такой", "Она была честной, весёлой, всем нравилась". Все перемены приписывались родимому пятну, которое появилось на её лице зимой второго года средней школы. Её характер сильно изменился после этого, и полгода спустя она стала другим человеком. Таково было общее заключение. ...Но у некоторых были другие предположения. Летом третьего года Хаджикано без предупреждения пропала из школы на четыре дня. И именно они ознаменовали момент, когда честная, весёлая, всеми любимая Хаджикано превратилась в сегодняшнюю молчаливую и хмурую девушку... Таково было их видение». Я через трубку услышал, как он садится на диван. «Если мыслить логически, первое более правдоподобно. Человеческий характер не меняется в несколько дней. Но почему-то мне показалось, что эти непонятные четыре дня и были ключом к разгадке. ...Если по делу, моё подозрение оказалось верным. Хаджикано отсутствовала прямо перед началом летних каникул, где-то числа 12-го июля. Я пошёл узнавать, что с ней случилось за это время. Расширив сферу сбора информации до её класса, до параллели, до всей её школы, я наткнулся на любопытное происшествие. Это случилось в соседнем городе на второй день из тех четырёх. Тогда в горах на каких-то развалинах было найдено два обгоревших трупа девочек из средней школы. В новостях говорилось, что они совершили самоубийство и оставили записку». Приятно поражённый его детективными способностями, я сказал: «Припоминаю. Эту новость даже упоминали на школьном собрании». «Ага, этот случай хорошо здесь нашумел. Но прежде я не видел ничего общего между теми двумя погибшими девочками и Хаджикано. Но я был необычно убеждён в том, что не случайно их смерти и эти непонятные четыре дня пересекаются. В младшей школе они втроём один год были в одном классе. ...Тогда я сделал немного сумасшедшее предположение. Что если то ужасное самоубийство в пожаре на развалинах планировалось не для двоих, а для троих? Что если вместо двух трупов предполагалось три, но одна девочка сбежала?» У меня не было слов. ...Хинохара серьёзно так далеко зашёл всего за четверо суток? Он продолжал: «Интересная теория, но слишком много домыслов. У меня не было и намёка на доказательства. Если бы я знал, о чём говорилось в предсмертной записке, правда бы всплыла на поверхность, но, к несчастью, у меня не было подобных связей. И, когда я уже сдался, мне позвонил приятель, который слышал, что я спрашивал учениц Средней школы Митсубы. Оказалось, что он знает там учителя. Он сказал мне, что я могу встретиться с ним в любое время, если мне интересно.

Поэтому на следующий день я встретился с тем учителем и рассказал ему свою смешную теорию на смертельно серьёзных щах. Я думал, что он опровергнет её с порога. Но только я закончил, как он приложил палец к переносице и потёр её, а затем произнёс: "Ты ничего от меня не услышишь, но если бы такое произошло, это не казалось бы странным". ...Не думаешь, что это необычно? Разве обычно не подразумевают отказ, говоря: "Ты ничего от меня не

услышишь"?» «Ничего необычного, – сказал я. – Короче, говоришь, твоя идея была верна?»

Заслышав мой сдавленный смех, Хиохара раздражённо спросил: «Что смешного?»

«Нет, я не над тобой смеюсь, Хиохара. Просто смешно, что ты докопался до правды, которую я не смог узнать за месяц, только за четыре дня». Хиохара сглотнул: «Я догадывался. Ты всё это знал?» «Ага. Хотя я узнал причину самоубийства Хаджикано после того, как она прыгнула в море, поэтому всё равно опоздал». То, что рассказал мне Хиохара, по большей части походило на то, что Чигуса написала мне в своём письме. Их методы приближения к разгадке тайны и мыслительные процессы в некоторых местах совпадали, и их выводы были абсолютно идентичны. Два различных способа мышления залатали друг в друга дыры, и, казалось, не в чем уже было сомневаться: Хаджикано имела отношение к самоубийству тех двух школьников из соседнего города. Я перестал смеяться и набрал воздуха в грудь: «Эй, Хиохара. Я не знаю, когда, но я скоро смогу повидаться с Хаджикано в больнице. Ты пойдёшь со мной? Она доверяет тебе». «Прости, но не могу, – холодно отказался он. – Я всё ещё не уверен в связи между непонятной смертью Чигусы и попытке самоубийства Хаджикано. Но одно я могу сказать точно. По какой-то причине, когда бы Хаджикано ни пыталась умереть, ей не удаётся, однако людям вокруг неё – вполне. ...Или, может, моя теория, что Хаджикано довела Чигусу до самоубийства, неверна. И причина её смерти какая-то совершенно иная, и я тут только конспирологией занимаюсь. Но, так или иначе, трое тесно связанных с Хаджикано людей умерли. Это неоспоримый факт». Он приостановился на пару мгновений, словно позволяя словам улечься. «Я больше не намерен иметь к ней какое-либо отношение. Тебе тоже лучше пересмотреть всё, Фукамачи. Или ты можешь стать четвёртым. ...И теперь, когда Чигусы нет, у меня не осталось причин приходить на ту крышу. Наше любование звёздами закончено. Счастливо оставаться».

Звонок завершился. Я положил трубку, вернулся в свою тёмную комнату и снова лёг на футон. Чиркнул взглядом по футляру телескопа, лежащему в углу. В день, когда мы увидели Персеиды, Хиохара сказал: «Я совсем забыл: телескоп только мешается», – и отдал мне его на хранение. Хотя раньше он даже не позволял мне к нему прикасаться, позже он отметил, что раз я так яро обучаюсь наблюдению за звёздами, то он даже разрешит мне его подержать.

Я хранил телескоп только ради Хаджикано. Сейчас же меня заколебал даже его вид. Он – символ моего провала, символ поражения. Последние несколько дней я старался делать так, чтобы телескоп не попадал в моё поле зрения, но я чувствовал, что он существует там, в углу, даже если я не смотрю прямо на него. Я подорвал своё отяжелевшее тело, поднял футляр с объективом и треногой и вышел из дома. Солнце всё ещё сияло, но его лучи стали слабее: никакого зноя, чувства жжения на коже. Дорога была испачкана грязью, отвалившейся от трактора. В воздухе, может быть, от барбекю, чувствовался тепловатый запах жареных сосисок.

Когда я посильнее охватил футляр телескопа, чтобы не уронить, и пошёл, перед моим домом остановилась знакомый синий автомобиль. С водительского места нарисовался Масафуми. Насколько я мог сказать, было непохоже, чтобы он остановился, просто завидев меня. «Тебя Ая зовёт, – сказал он и указал на пассажирское сиденье. – Залазь». Я кивнул и сел в машину.

□

«Чтоб ты знал, бесполезно спрашивать меня о том, что случилось». Масафуми выбрал себе самый плотно набитый сигаретный окурочек из пепельницы, утыканной ими, как подсолнух семечками, запихнул его в рот и прикурил от зажигалки. А потом лицо у него сморщилось, словно ему было противно, и он выдохнул дым. «Ая просто попросила меня заехать за тобой, поэтому у меня нет ни единого предположения насчёт подробностей. Она ждёт в больнице, поэтому спрашивай там её, о чём хочешь. Мне сказали только о том, что её сестра в больнице и её сегодня можно посещать». «Другими словами, Ая хочет, чтобы я встретился с Хаджикано... эээ, её сестрой?» – наполовину уверенно спросил я. «Сказал же, не знаю, –

безрадостно ответил Масафуми, всё ещё пожевывая сигарету. – Может, Аю просто обязали там находиться, чёрт знает». Я кивнул. Он был прав. Существовала вероятность того, что Ая просто хотела поговорить со мной, но ей нужно было приглядывать за Хаджикано в больнице, поэтому она попросила Масафуми привезти меня к себе. За вершиной узкого извилистого холма находилась крохотная местная больничка, окружённая редколесьем. Масафуми высадил меня на повороте, сказал, что ему ещё много чего нужно сделать в лаборатории, поэтому домой я буду добираться сам, и поспешно укатил. Я поискал Аю взглядом, но не заметил её. Осознавая, что надёжнее будет подождать здесь, а не носиться вокруг в поисках неё, я сел на ближайшую цветочную кадку, устроил футляр с телескопом на коленях и стал ждать.

Рядом с больницей текла широкая река. Вокруг её русла всё наполняли растения ростом с человека, и не до конца было ясно, где заканчивается берег, а где начинается река. Густая береговая растительность распространялась далеко в сторону дороги, и, казалось, людям там и шагу негде было ступить. За рекой виднелись тёмно-зелёные горы и несколько опор линии электропередач, поднимающихся от их подножия до середины склонов. В ожидании Аи я рассеянно созерцал сей умиротворяющий пейзаж, не концентрируясь ни на чём определённом.

Спустя некоторое время Ая вышла с переднего входа. На ней были поношенная футболка и джинсовая юбка с потёртыми краями. Макияж был небрежен, как и волосы, да и выглядела она так, словно постарела года на три с нашей последней встречи. «Прости, что так внезапно тебя позвала, – вымученно улыбнулась мне она. – Мне придётся и Масафуми потом это компенсировать. ...Ну, пойдём». «Погодите секундочку, – я спешно остановил её. – Вы берёте меня на свидание с Юи?» «Да, очевидно же. Или ты в этой больнице ещё кого-то знаешь?» «Никого такого. Но мне кажется, что прямо сейчас встреча с Юи вызовет скорее негативный эффект. Вы сказали ей, что я приду?» «Нет. Но расслабься, всё нормально, – она улыбалась мне, но глаза её были пусты. – Юи кажется более приветливой, чем раньше. Просто...» Её речь оборвалась, словно она что-то решила переосмыслить.

«...Нет, ты должен встретиться с ней лично вместо того, чтобы выслушивать мои объяснения». Когда я зашёл в двери, меня окружил тот особенный больничный воздух, пропитанный запахом антисептика и тел пациентов. Флуоресцентные лампы в холлах испускали тусклый голубой свет, делая без того унылую обстановку больницы ещё более некомфортной. Линолеум на полу был кое-где испачкан, а старый диван перед регистратурой был потрёпан настолько, что не передать словами, демонстрируя следы множества ремонтов.

Получив пропуски посетителей в регистрационном столе, Ая повела меня к лифту, и мы поднялись на четвёртый этаж. Ая остановилась перед палатой с распахнутой дверью и безмолвно указала мне внутрь. Я не мог увидеть её с места, на котором стоял, но при входе висела табличка с надписью "Юи Хаджикано". Там были места ещё для трёх табличек, но все они пустовали. Хаджикано одна оккупировала комнату на четырёх человек. Я положил руку себе на грудь, глубоко вдохнул, снова взглянул на табличку с именем Хаджикано и решительно шагнул в больничную палату. В каждом её углу теснилось по койке, и Хаджикано занимала правую заднюю от двери. Она, одетая в голубой халат, была поглощена в чтение тоненького блокнота, потому не заметила меня. Что она столь увлечённо читает? Я тихонько подошёл и взглянул на то, что она держала в руках. Я увидел много коротких рукописных фраз, но не разобрал их содержания. И тогда Хаджикано наконец заметила моё присутствие. Она вздрогнула, быстро закрыла блокнот и положила его на тумбочку, чтобы спрятать от моего взгляда. Когда же наши глаза пересеклись, она смущённо склонила голову. Я почувствовал себя невообразимо неловко из-за этого. «Хаджикано, – голос, который я едва сумел выжать изо рта, будто бы принадлежал не мне. – Не могла бы ты...»

«А-ам, прости, – прервала меня она, – прежде чем мы поговорим, я кое в чём должна убедиться...» Она склонила голову и жалобно съёжилась, затем медленно вдохнула и произнесла, будто пребывая в глубоких раздумьях: «Как тебя зовут?» Всё вокруг поблёкло, а в ушах зазвенело так громко, что казалось, словно этот звон напрямую сотрясает моё сознание. Пока я стоял, потеряв дар речи, Хаджикано немедленно сказала: «...Я

нахожусь в больничной палате. Я сплю на кровати. За окном растут вязы, сейчас лето. Я сохранила подобные знания. Как видишь, также я могу понятно изъясняться. Но когда я гляжусь в зеркало, я вижу в нём не себя. Как будто смотрю на знакомого, которого давно не видела». Всем было ясно, что так проявлялись признаки потери памяти – а именно ретроградной амнезии. Возможно, это сработал спасательный рефлекс по отношению к её изувеченному сознанию. Или нарушение памяти вследствие кислородного голодания. Ну да неважно. Меня волновала не причина потери воспоминаний, а последствия, которые она повлечёт за собой. «Поэтому я не знаю, кто ты и в каких отношениях я с тобой была. Прости, что говорю это после того, как ты пришёл навестить меня». Я очень хорошо знал, что радоваться этому было неосмотрительно. Но, гипотетически. Может ли Ёсукэ Фукамачи начать всё сначала с Хаджикано Юи? Но эти надежды рухнули после следующих слов: «Однако, к счастью, до потери памяти я, видимо, каждый день делала записи в дневнике. Он был среди вещей, которые мне принесла сестра. Дневник очень простой, в действительности не более перечня случившихся событий. ...А, и, должна сказать, тебе не нужно скрывать, что моё падение в море было попыткой самоубийства, а не несчастным случаем». Хаджикано улыбнулась мне, как бы говоря не волноваться. Я посмотрел на блокнот на тумбочке. Я помню его. Когда я зашёл к ней в комнату благодаря мощному содействию Аи, он лежал открытым на столе. Может, она заполняла его как раз перед моим приходом. То, что Хаджикано каждый день вела дневник, удивляло, по крайней мере, меня. Я считал, что она давным-давно потеряла интерес к своей жизни. Может ли кто-то, планирующий себе скорую смерть, ежедневно писать в дневник? Или, вероятно, она вела его потому, что собиралась убить себя? Хаджикано заметила мой взгляд и потянулась, чтобы оградить от меня блокнот. «Я прочла только записи нескольких прошлых дней, однако мне показалось, что Юи Хаджикано мечтала покончить с собой. Я пока не нашла ничего, объясняющего причины этого, но, скорее всего, её стесняло это родимое пятно. Была ли потеря памяти лучшим способом побега от её желания умереть? Как таинственно». Она подняла опущенную всё это время голову и посмотрела мне в глаза из-под волос: «Эм, итак, я бы хотела узнать твоё имя...» «Разве ты ещё не догадалась? – уклонился я от ответа, желая отсрочить момент свершения приговора. – Ты же прочла свой дневник?» Затем вдруг её глаза остановились на том, что я держал в руках. «...Это...» Хаджикано указала на футляр с телескопом. «Возможно, ты Юуя Хинохара?» После долгих раздумий я медленно кивнул. Хаджикано по-особенному улыбнулась мне, так, как не улыбалась никогда прежде. А, так вот как она улыбается Хинохаре, подумал я.

□

Когда время нашей встречи миновало и я вышел из палаты, Ая, которая, по-видимому, всё это время сидела снаружи, утомлённо поднялась. «Хорошо вышло, Ёччан. Или мне нужно говорить Юу-чан?» Я громко вздохнул: «Вы всё слышали?» «Я никогда не видела, чтобы Юи была так горда собой. Как умно придумано, Юуя Хинохара». Мы спустились на лифте до первого этажа, сдали пропуска и вышли наружу. С деревьев вокруг больницы раздавались голоса ворон и ночных цикад, перекрывая друг друга. Я проверил расписание на автобусной остановке – до следующего автобуса было двадцать минут. «...Что мне делать? – спросил я Аю. – Я не могу продолжать называться Юуей». «Я хочу кое-что подтвердить, – произнесла она. – Юуя Хинохара это тот парень, что звонил мне до этого и выуживал то да сё насчёт Юи?» «Да, он». «Судя по всему, Юи привязалась к нему». «Да. Прежде, чем она потеряла память, Хинохара был единственным, к кому её влекло». «Единственным? Разве ты ей не нравишься, Ёччан?» «Она меня не ненавидит, и на этом всё. Но Хинохару она не только не ненавидела, но и действительно симпатизировала ему». «Хмм, – Ая озабоченно кивнула. – Тогда почему он никак не связался с ней помимо звонка?» Я немного подумал и затем сказал: «Мисс Ая, вы же знали, что Юи и я каждую ночь ходили на крышу разрушенной

гостиницы смотреть на звёзды, да?» «Ага. И Юуя Хинохара был одним из тех, кто был там, так?» «Именно. И в нашей компании была ещё девочка по имени Чигуса Огиэ. На следующий день после попытки самоубийства Юи, она упала в море и погибла, словно последовав за ней. И Хинохаре кажется, что это Юи ответственна за смерть Огиэ».

«Погоди, что ты имеешь в виду? – Ая повернула шею. – Почему вдруг эта Огиэ прыгнула в море из-за Юи?» «Пока это только в области вероятного... – начал я, а затем разъяснил. – Прошлым летом произошёл несчастный случай: в соседнем городе были обнаружены две школьницы, совершившие акт самосожжения. Хинохара подозревает, что Юи вовлечена в это. Потому что в это же время она без предупреждения на четыре дня пропала из школы. И некоторые её одноклассницы говорят, что её поведение радикально изменилось именно после этого». «...Другими словами, Юи была единственной выжившей из группки самоубийц, а затем довела до подобного Огиэ?» – поинтересовалась Ая. Я восхищённо кивнул. Её голова работала так быстро, как могла работать только голова сестры Хаджикано. «Безусловно, это только домыслы Хинохары. Я убеждён, что попытка суицида Юи и смерть Огиэ не связаны напрямую». «Ясно, – Ая закрыла глаза и задумалась. – В любом случае, этот Хинохара решил избегать Юи? И он не собирается её навещать?» «Разумно, что вы предположили это». «И Юи пока этого не знает. Она всё ещё не осознаёт, что её избегает тот, кому она доверяет. Но наконец показывается человек, называющий себя Юуей Хинохарой». Мои плечи опустились: «Я сожалею. Мне не нужно было обманывать». «Серьёзно? А я считаю, что это хорошая идея». «Вы серьёзно?» «Конечно. Или ты намеревался прямо сейчас вернуться в палату и сказать: "Прости, я тебя обманул. Я не Юуя Хинохара, я Ёсукэ Фукамачи. А ещё настоящий Юуя не хочет тебя больше видеть"? – передразнила меня Ая. – Всё нормально. Юи кажется очень счастливой, и это тебе выгодно, верно, Ёччан? На случай, если тебя раскроют, если ты предложишь стоящее оправдание, ну, может, она тебя и не простит, но, думаю, хотя бы сможет принять». «А, и мне интересно, – наклонил голову я, – почему вы в первую очередь отдали Юи её дневник, мисс Ая? Чем хорошо то, что мы вернём её воспоминания? Не думаете, что если она ничего не вспомнит, ей будет лучше всего?» «Да, может, ты и прав, Ёччан, – согласилась Ая. – Но я хотела, чтобы она взглянула на собственную жизнь с объективной точки зрения. Посмотрела на себя от третьего лица и увидела, какими глупостями была одержима. Потому что это единственное, что она сейчас может, ведь так?»

Автобус подъехал. Я склонил голову и встал на ступеньки. «Ты же придёшь её навестить и завтра?» – спросила она сзади. Я повернулся: «Какой смысл мне приходить?» «Эм, Ёччан, – громко сказала Ая, чтобы перекрыть звук двигателя. – Я звала тебя не потому, что хотела, чтобы кто-то утешил Юи. К несчастью, я не такая хорошая сестра. Я просто хочу узнать, как далеко сможет зайти "сказочная любовь" одного мальчика в трудной ситуации вроде этой. Я просто хочу увидеть, чем это закончится». Водитель поторопил меня, собираясь закрыть двери. Я поднялся по ступенькам и сел на ближайшее сиденье, и автобус сразу же тронулся. Я откинулся на спинку, закрыл глаза и переосмыслил каждую фразу нашего разговора. Я быстро убедил себя, что завтра мне снова нужно зайти к ней в палату. Такому приглашению трудно было противиться. Даже если я пудрю Хаджикано мозги, даже если я использую друга, я чувствовал, что смогу опять сблизиться с ней, как в прежние годы. Всё остальное теряет важность. В конце концов, как и сказала Чигуса, истинный я был плохим человеком. Когда автобус подъехал к моей остановке, солнце уже садилось. Проходя по торговому району я услышал звон телефона, как тогда, тем далёким днём. Довольно давно я его не слышал. Когда я в последний раз принимал звонок от той женщины? Полагаю, это было на второй день летних каникул, когда она использовала в качестве примера Русалочку, чтобы рассказать о наказании за проигранное пари. «Первый раз ты пользуешься подобным, – удивлённо сказала женщина, когда я поднёс трубку к уху. – Я не ожидала, что ты назовёшься именем другого человека, чтобы сблизиться с Хаджикано. ...Не совсем честно, не так ли?»

«Я не хочу слушать нотации о честности после того, как вы предложили сделку одновременно мне и Огиэ, – ответил я. – Не важно, как всё обернётся, один из нас всё равно бы

проиграл пари, верно?» «Если бы ты не хотел, чтобы Огиз умерла, ты мог просто полюбить её. Это ты её игнорировал, – сказала она так, словно вся ответственность лежала на мне. – Теперь... Фукамачи, я должна предупредить тебя. Прямо сейчас для Хаджикано ты не Ёсуке, а Юуя Хинохара. Да, ваши отношения развиваются, и между вами существуют взаимные чувства. Но даже так, тот, кого она любит – Юуя Хинохара, который выглядит, как ты, и говорит, как ты. Я не смогу признать, что ты выиграл пари». «А, я знаю. Я занимаю место Хинохары не потому, что хочу выиграть пари. Я делаю это только потому, что хочу». После некоторого молчания женщина произнесла: «Ты заявляешь, что тебе всё равно, проиграешь ли ты?»

«Необязательно. Конечно, я боюсь умирать. Но сейчас я счастлив видеть, как Хаджикано рядом со мной улыбается. Встретить свой конец увлечённым её улыбкой... на удивление не так плохо, – сказал я, а потом рассмеялся. – Ладно, думаю, вам это не по нраву». «Так и есть, – прямо ответила женщина и я ощутил, что в её голосе было чуть больше раздражения, чем обычно. – Как бы то ни было, то, что ты сделал – явное нарушение правил. Раз так, ты получишь надлежащее наказание». «Наказание?» «Впредь тебе запрещается раскрывать свою настоящую личность перед Хаджикано, – сообщила мне она. – Раз назвался Юуей Хинохарой, так уж, будь добр, продолжай до конца». «Ага. Отберёте мой голос, чтобы я не назвал своё имя. Очень в стиле Русалочки, – сдержанно ответил я. – И делает победу безнадёжно недостижимой, а?» «Чтоб ты знал, это ты нарушил правила, – холодно заметила женщина. – Что ж, с нетерпением жду 31-го августа, Ёсуке Фукамачи в шкуре Юуи Хинохары».

Я услышал гудки. Затем положил трубку и продолжил идти по торговому району. И так мне пришлось провести оставшиеся одиннадцать дней летних каникул в качестве Юуи Хинохары.